

Научная статья

УДК 821.161.1-3 Завалишин + 82'06 + 82.091

DOI 10.15826/izv1.2022.28.1.006

МЕЖДУ ДЕРЕВНЕЙ И СТРОЙФРОНТОМ: ОЧЕРК ТВОРЧЕСТВА А. И. ЗАВАЛИШИНА

Юлия Сергеевна Подлубнова^{1, 2}

¹ *Уральский федеральный университет,*

² *Институт истории и археологии*

Уральского отделения Российской академии наук,

Екатеринбург, Россия

tristia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5210-0861>

А н н о т а ц и я. В статье представлен обзор творчества писателя и драматурга Александра Ивановича Завалишина, начиная с произведений 1910-х гг. и заканчивая книгой «Хата Буденного» (1938). Впервые рассматриваются фельетоны 1920-х гг., опубликованные в челябинской газете «Советская правда». Очерчивается эволюция творчества А. И. Завалишина, связанная со становлением уральского писателя через «газетную литературу» и дальнейшими шагами на пути к успеху советского автора, призванного не только изображать текущую повседневность, но и пропагандировать те ценности, которые актуализировала советская риторика, и именно в тех формах, которые одобрялись и были востребованы временем: в 1920-е — сатира и сцены из деревенской жизни, комедии и революционные драмы, в 1930-е — эпические производственные полотна, колхозные очерки и книга о героике Гражданской войны. Показано движение А. И. Завалишина от остросоциальной литературы 1920-х к соцреализму 1930-х гг.

К л ю ч е в ы е с л о в а: русская литература 1920-х гг.; фельетоны; проза о деревне; драматургия 1920–1930-х гг.; А. И. Завалишин

**BETWEEN THE RUSSIAN VILLAGE AND THE INDUSTRIALIZATION:
AN ESSAY ABOUT THE WORKS OF A. I. ZAVALISHIN****Yulia S. Podlubnova^{1,2}**¹ *Ural Federal University,*² *Institute of History and Archeology**Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,**Ekaterinburg, Russia*tristia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5210-0861>

Abstract. The article offers an overview of the work of the writer and playwright Alexander Ivanovich Zavalishin starting with his texts of the 1910s and ending with the book “The Budenny’s hut” (1938). The feuilletons of the 1920s published in the newspaper “The Soviet Truth” (Chelyabinsk) are considered for the first time. The evolution of A. I. Zavalishin is outlined. It associated with the formation of the Ural writer within “newspaper literature” and further steps towards the success of the Soviet author. He did not only portray the current everyday life but also promote the values that were actualized by Soviet rhetoric and precisely in those forms that were approved and were in demand by the time. In the 1920s he created satire and scenes from village life, comedies and revolutionary dramas, in the 1930s wrote epic production dramas, a book about the heroics of the Civil War. The movement of A. I. Zavalishin from social literature of the 1920s to socialist realism of the 1930s is shown.

Key words: Russian literature of the 1920s; feuilleton; novels about peasants; drama of the 1920s–1930s; A. I. Zavalishin

Творческое наследие А. И. Завалишина (1891–1938) довольно обширно. С одной стороны, он оставил большое количество газетной продукции (фельетонов, зарисовок, сцен и пр.), характерной для 1910–1920-х гг., с другой — немалое количество пьес, драматических сценок, что заставило исследовательницу театра В. В. Гудкову назвать А. И. Завалишина одним из талантливых драматургов 1920–1930-х гг., чье имя было забыто в истории советской драматургии [Гудкова, с. 212]. Еще одна немалая часть наследия писателя — сборники рассказов 1920-х и книги 1930-х гг., также не получившие достаточного исследовательского внимания. Все вместе позволяет говорить о творческой продуктивности А. И. Завалишина при его малой представленности в литературных контекстах 1910–1930-х гг. и так или иначе пододвигает к тому, чтобы в некотором роде вернуть имя А. И. Завалишина в литературу.

* * *

Больше всего лакун в творческой биографии А. И. Завалишина¹ связано с началом творческого пути в Оренбурге и писательской работой на Урале и в Москве

¹ Биографические сведения о писателе представлены в следующих источниках: [А-р И. Завалишин; Дудина; Завалишин, 1931; Христофоров; Шмаков].

в 1917–1924 гг. Как указано в автобиографии, с 1912 г. А. И. Завалишин «стал писать (т. е. напечатал первый рассказ)» [Антология, с. 524]. Публикация 1912 г. не найдена, но известно, что бытовая зарисовка «Душегуб и ведьма», повествующая «о темном мире жадной мещанской семьи» [Саксон, с. 217], попала в оренбургский сборник «Степь» (1914)², а вслед за «Душегубом и ведьмой» А. И. Завалишин написал рассказы «Жизнь, ты нужна», «Рассказ о былом», «Сын (Из полицейской жизни)» и «Городничий XX века», «в котором показана уже реальная обстановка заштатного города Оренбургской губернии и его властитель — паук-городничий» [Там же].

Уже ранние рассказы А. И. Завалишина отличаются бытовой достоверностью и жизненностью деталей. С этим умением фиксировать окружающую действительность писатель пришел в послереволюционную газету, где ему пришлось освоить стратегии работы «газетного автора» и жанр фельетона. Его «газетные тексты» часто строятся вокруг «случая из жизни», нарушающего привычный ход вещей и правила общественной жизни (см. фельетоны 1921–1922 гг., опубликованные в челябинской газете «Советская правда»: «Уволил корову в отпуск», «В пользу голодающих», «Где ты, друг сердешный?», «Она хохочет...», «Опять НЭП с ума свел» и др.). Писатель создает яркие портреты своих героев, давая оценки их поступкам, как бы измеряя их уровень вовлеченности в строительство советской жизни: таковы очерки о сельской активистке и труженице Дарье Маркиной («Дарья Маркина») и священнике Челябинской епархии, пожертвовавшем свой крест в пользу голодающих («Священник Вдовин»). В это же время у А. И. Завалишина развивается талант сатирика:

- Как вы смели помещать такое безобразие?
- Какое?
- Позорите советское учреждение, роняете авторитет советской власти; глядите, мол, рабочие-крестьяне, что выделяет завгубом? Это — контрреволюция?!!
- Успокойтесь...
- Я требую печатно извиниться!
- Но факт был у вас?
- Был, но как вы смели позорить в печати Советское учреждение? [Завалишин, День в редакции].

Перебравшись в Москву и начав писать для газеты «Беднота», А. И. Завалишин выходит на новый уровень: с 1925 г. один за другим появляются на свет его сборники рассказов.

«Рассказы Завалишина просты и беспретенциозны. Описывая жизнь деревни, он говорит своим собственным языком, а не столь надоевшим уже сказом. И язык его экономен и выразителен. Изображая деревенскую жизнь подлинных крестьян,

² Как замечают А. М. Каторова и Е. А. Степанов, во многих источниках неправильно указана дата публикации рассказа «Душегуб и ведьма», который ошибочно помещается в сборник «Серый труд», издававшийся «в Оренбурге дважды: в 1912 г. и 1913 г., и оба раза без участия А. И. Завалишина» [Каторова, Степанов, с. 187].

он не только умеет сделать их интересными для городского читателя: порой ему удается показать величие революции отраженным в мелких фактах обыденной жизни» [Палей, с. 201], — считали современники. В действительности рассказы А. И. Завалишина 1920-х гг. располагаются на пересечении нескольких линий словесности: во-первых, все той же газетной литературы, с ее неременной остротой и злободневностью; во-вторых, реалистической традиции, с ее демократическим пафосом и гуманистическим отношением к человеку из народа; в-третьих, становящейся советской прозы, ориентированной на «формовку» советского человека и дающей образцы нового социального поведения [Калинин].

В своих рассказах А. И. Завалишин не отказывается от инструментов фельетонистики: злободневности, занимательности, краткости, для него все также важна работа с анекдотическим³, экстраординарным случаем, выламывающимся из рутины повседневной жизни и указывающим на конкретную и общественно значимую болевую точку.

Ярким примером рассказа, фабула которого выстроена по лекалам анекдота, становится «Скуки ради», давший название целой книге 1925 г. В рассказе изображен конфликт комсомольской ячейки, неофициальным лидером которой является Николай Тюрин, и сельских верующих. Комсомолец Тюрин всячески дезорганизует местную религиозную жизнь. Апофеозом тюринского воинствующего атеизма стало карнавализованное венчание в той же церкви: после поздравлений попа и поцелуя повенчанных невеста скидывает одежды и превращается в «хуторского» Ваньку Бокова.

Поп, ошарашенный, попятился назад и с выкатившимися зенками остолбенел у аналая. У порога, после жуткой тишины, не выдержали:

— А-а-а! [Завалишин, Скуки ради, с. 15].

Рассказ венчается моралью, нередкой в фельетонистике [Северина, с. 213]:

И чувствовалось в темноте, что у этого «дезогарьнизованного» комсомольца колыхается нетронутая молодая сила... Плещется она зря, без толку и скоро ли найдет необходимое русло, неизвестно [Завалишин, Скуки ради, с. 16].

Находя болевые зоны современности, писатель так или иначе транслирует «государственную точку зрения», опосредованную работой в советской газете⁴. Не случайно острие сатиры А. И. Завалишина, возможно, очевиднее, чем у других писателей 1920-х гг., было направлено на религию и служителей культа. Рассказы «Не те времена», «Ночное дело», «Семейная радость», «Свет истины Христовой» (в другой редакции — «Крещение»), «Избрание» и другие посвящены разным

³ Анекдотизм рассказов А. И. Завалишина воспринимался современниками неоднозначно, в том числе как признак легковесности [Дынник, с. 224].

⁴ Как пишет М. А. Литовская, газета 1920-х гг. «воспринималась не просто как источник некоей общественно-информационной, но и — наряду с собранием — как инстанция, транслирующая государственную точку зрения» [Литовская, с. 138].

сторонам церковной жизни и быта священников и вполне в духе времени лишены какого-либо религиозного пиетета.

— А видите ли, — вздохнул поп, — я веду свое хозяйство, и поэтому приходится работать очень много. Утомляюсь до последних сил. И мысль всегда направлена в одно: насчет хозяйства. Иной раз, бывало, в церкви возведешь горе очами пред престолом, а в уме свое: «Найдется ли моя пропавшая кобыла или нет?» («Покрасневший быт») [Завалишин, Первый блин, с. 95].

Другим сатирическим персонажем в рассказах А. И. Завалишина — и здесь писатель встраивается в самые широкие контексты сатирической литературы 1920-х: от В. В. Маяковского до А. П. Платонова [Комаров; Матвеева] — становится человек при власти, администратор, использующий служебное положение для извлечения выгоды, например, чиновник, пошедший в баню за казенный счет («Окунулся в массы»), или председатель колхоза, по-родственному потворствующий попам и кулакам («Яшкина пола»). В поле зрения А. И. Завалишина, улавливающего «социальный заказ» эпохи, попадают и самогонщик («Прогadal»), и тайно венчающиеся коммунисты (рассказ «Ночное дело»), и старик, выступающий против попов, но решивший доказать свою правоту с помощью чуда («Агитатор»). Без внимания писателя не остается и еще одна любимая тема сатиры 1920-х гг. — бюрократическая волокита. В рассказе «Планида» труп утонувшего крестьянина лежит несколько месяцев на сибирской заимке в ожидании комиссии для вскрытия.

Фельетонное начало прозы А. И. Завалишина 1920-х гг. сочетается с психологизмом бытовых сцен. В качестве примера можно привести рассказ «Семейная радость», обнажающий драматический раскол семьи коммуниста из-за крещения ребенка: «Отец приткнулся головой к окну и, как малютка, глухо зарыдал... обматерившись» [Завалишин, Не те времена, с. 48]. Прозаику удается передать психологическое состояние брошенной жены («Первый блин»), раскрыть психологию малограмотного крестьянина, возжелавшего выиграть 1000 руб. в конкурсе на лучшую пьесу из сельской жизни («Драма Мосея Дятлова»), передать трепет и смущение рабочего перед дворянством («Пепел»). Ряд сюжетов писатель осознанно выводит из зоны комического, обозначая сложный драматизм судьбы человека. Например, в том же рассказе «Пепел» герою вновь удастся встретить аристократа, но теперь уже, в условиях Гражданской войны, князь вынужден трепетать перед красноармейцем. «Офицер вдруг осел. Опустился ниже за столом и ослепшими глазами смотрел на свечку. Будто видел на огне что-то интересное, невиданное» [Завалишин, Пепел, с. 20].

Продолжая демократическую линию русской реалистической литературы, учитывая художественный опыт Г. И. Успенского, А. П. Чехова, М. Горького, А. И. Завалишин обращается к изображению разных типов героев из крестьянства, в которых внешняя забитость не всегда означает отсутствие осознанного отношения к жизни. Так, сельский старик-учитель доживает до того времени, когда его публично благодарят за работу («Дожил»), а старик-крестьянин отказывается

от денежных претензий к сыну-нэпману, забывшему отца, как только понимает, что в семейное дело может вмешаться суд («Не признает»).

Разумеется, интерес к крестьянству у А. И. Завалишина сформировался раньше, чем литературе 1920-х гг. была дана установка помочь партии «ужиться с крестьянством и медленно переработать его» [Постановление Политбюро..., с. 54]. И здесь писатель оказывается близок к П. Н. Дорохову, А. С. Неверову, С. П. Подъячеву, Ф. И. Панферову, Л. Н. Сейфуллиной — тем писателям 1920-х гг., которые не стремились перемещать деревенских жителей на индустриальные стройки [Машкова], но фиксировали их непосредственно в условиях сельского социума, активно перестраивающегося на новый лад. При этом в контекстах «колхозной» советской литературы заметной особенностью прозы А. И. Завалишина становится малая востребованность сюжета «перековки» героя из стихийного в сознательного [Добренко]. Пожалуй, только в рассказе «Первый блин» происходит однозначное превращение крестьянок в колхозных активисток. В целом же не случайно любимыми героями А. И. Завалишина становятся деревенские старики: с одной стороны, за их плечами оказывается богатый и ценный опыт, с другой — именно этот опыт является преградой для их адаптации к новой жизни. Старики А. И. Завалишина боятся перемен, искренне изумляются происходящему, всячески чуждаются, вплоть до развода с умирающими старухами («Расписались»), и даже соглашаются поехать в Крым, чтобы спасти односельчан от никому не ведомого санатория («Опять на нашу голову»). Тем не менее они острее прочих героев ощущают социальные изменения 1920-х гг.

Глубоко понимающий психологию крестьянства писатель подчас выступает на стороне своих героев даже в их столкновении с властью, как это происходит в рассказе «Сорок пять нацменов», когда тридцати мордвинам и пятнадцать русским, выдающим себя за мордвин, удастся обмануть чиновников в самом Кремле (в том числе Председателя ЦИК М. И. Калинина) и выехать с их помощью без денег на малую родину.

Тем не менее в целом А. И. Завалишин продуманно совмещает функции фиксатора сельской жизни и советского агитатора, перед которым поставлена цель воспитания советского человека.

И чем дальше — тем больше: в начале 1930-х гг. А. И. Завалишин отказывается от сатиры и напрямую обращается к публицистике. В 1934 г. у него выходит книга «колхозных» очерков «Свежая борозда»⁵. Соединяя оптику производственного очерка и форму дневника, писатель создает детализированную и при этом полную драматизма картину жизни нескольких колхозов Кимрского района Московской области, куда он приезжает в качестве уполномоченного политотдела наблюдать за весенним севом. Он не только и не столько выступает в роли наблюдателя колхозных будней, но принимает судьбоносные для хозяйства решения: меняет председателя в отстающем колхозе, участвует в оценке качества пахоты

⁵ Деревенские очерки А. И. Завалишина изначально публиковались в крестьянском литературно-художественном журнале «Земля советская» [Лебедева].

соребнующих бригад, способствует скорейшему открытию яслей, пресекает коллективное пьянство, возвращает невинно осужденную старуху из домзак, наконец, делает все, чтобы конкретный Андрейцевский колхоз закончил сев до срока. При этом нисколько не забывает о своих функциях агитатора: учит колхозников, как жить по-новому, и при всяком удобном случае оперирует советской риторикой: «Так тесно, в неразрывных узлах, переплетается новое со старым, хорошее с плохим. Нужны настойчивые усилия, чтобы вытравлять, выжигать, выкорчевывать старье, гнилье, дичь. И растить новую светлую жизнь» [Завалишин, Свежая борозда, с. 233].

Документально-публицистическая книга «Свежая борозда» становится своеобразным итогом работы писателя с деревенским материалом и опосредует новый этап творческой эволюции писателя, вольно или невольно переходящего от остросоциальной прозы 1920-х к соцреализму 1930-х гг.

* * *

1920-е гг. — это время активного вхождения А. И. Завалишина в драматургию. Известно, что начиная с 1910-х гг. писатель создал не менее дюжины пьес разной тематики. Например, пьеса «Крючки», отпечатанная типографским способом в одном экземпляре в ноябре 1915 г. (опубликована в 1917 г. в оренбургской газете «Казачья правда»), рисовала будни полицейского участка [Саксон]. В. В. Гудкова частично выстраивает ретроспективу драматургии А. И. Завалишина 1920-х: ««Тажные гудки» — Сибирь, красное подполье времен колчаковщины; «Третий жених» — партизаны в Сибири, тоже во время Колчака; «Сплетня» — развал крестьянской семьи, борьба за новые отношения в семье». «Частное дело» — «старая и новая семейная мораль в деревне», «Перед концом» оценивается самим автором как «исторический, идеологический и литературно-художественный ответ двум пьесам — «Бронепоезд 14–69» Вс. Иванова и «Дни Турбиных» М. Булгакова» [Гудкова, с. 212]. Исследовательница отмечает тематическое разнообразие драматургии А. И. Завалишина, довольно типичное в контексте эпохи: конфликты Гражданской войны, пафос строительства новой жизни.

При этом не только в прозе, но и в драматургии А. И. Завалишин находился под влиянием «газетной литературы» и фельетона. Злободневность, бытовая направленность, лаконизм и «фотографизм», как выразился А. Ревякин, обозначая натуралистическую оптику крестьянских писателей [Антология..., с. 72], отличают пьесы «Вор» (1926), «Расписались» (1926), «Козлиные бесы» (1927), «Сполох» (1929), «Фальшивая бумажка» (1929), «Частное дело» (1929). Как и рассказы, пьесы А. И. Завалишина построены вокруг анекдотических случаев⁶. К примеру, в «сценке из деревенской жизни» «Вор» бедный крестьянин отдает дочь Машу за богатого заику, но замуж выходит она по воле случая за бедного Гришу [Завалишин, Вор]. В пьесе «Фальшивая бумажка» неграмотные крестьяне принимают за «фальшивые деньги» 25-рублевую государственную облигацию [Завалишин,

⁶ Влияние анекдота на советскую комедию 1920-х гг. было неоспоримым [Журчева].

Фальшивая бумажка]. Анекдотичен сюжет пьесы «Сполох», знакомый по рассказу «Ночное дело»: Клим, увидев ночью в церкви огонек и подозревая воровство, сзывает мужиков с вилами. Но находят они не воров, а учительницу Маркову и кандидата в члены ВКП(б), решивших провести тайное ночное венчание [Завалишин, Сполох]. Несоответствие ожидаемого (воры в церкви) и реального (дьяк, учительница и кандидат в члены партии) обуславливает напряженный комизм происходящего. Однако, как и в рассказах А. И. Завалишина, комические ситуации в пьесах приводят подчас к драматическим последствиям. В «Козлиных бесах» бытовая сценка, изображающая никак не могущих заснуть старика и старуху, заканчивается страшным пожаром и гибелью коз [Завалишин, Козлиные бесы].

Важной особенностью драматургии А. Завалишина, определяющей ее жанровое своеобразие, становится «обилие бытового материала»⁷. В поле зрения писателя и драматурга нередко попадали случаи из судебной практики. В пьесе «Частное дело» сложная любовная интрига заканчивается судом, тюрьмой и развалом семьи.

М и х а и л (к судье). Товарищи судьи! Месяц за побои Катерине я согласен отсидеть! Но заявляю вам открыто: каюсь перед ней и буду жить, как прежде. Потому как я люблю ее, и жили мы с ней душа в душу! <...>

К а т е р и н а. Что разбито, — снова я клеить не буду... а пойду другой дорогой... Прощай! [Завалишин, Частное дело, с. 76–77].

Пьесы А. И. Завалишина все же не ограничивались публикациями. С 1920-х гг. их начали ставить региональные театры. Известны факты постановок «Бывших» в Томске в 1920 г. и Челябинске в 1922 г. Во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг. пьесы А. И. Завалишина оказывались на сценах любительских деревенских театров. «Частное дело» была перелицована в либретто крестьянской оперы «Зреет колос» [Шмаков, с. 135].

Время больших постановок пьес А. И. Завалишина пришло в 1929 г.: Театр Революции поставил пьесу «Партбилет», причем, тут же снятую с репертуара. А вот написанный с учетом критики «Партбилета» «Стройфронт» и поставленный тем же театром в 1931 г. принес драматургу настоящую известность.

К концу 1920-х ситуация в советской комедиографии и — шире — советской сатире поменялась, как поменялись сами приоритеты времени. Обозначившая себя сатиروبоязнь [Киселев, с. 142] привела к тому, что в 1929 г. под запрет попали практически все комедии и водевили [Шалаева, с. 188]. Был запрещен «Самубийца» Н. Р. Эрдмана, запрещены постановки пьес И. А. Ильфа и Е. П. Петрова [Шеленок], из репертуара Театра имени Евгения Вахтангова исключена «Зойкина квартира» М. А. Булгакова, Ю. К. Олеша был вынужден перелицовывать «Список благодеев». А. И. Завалишину, лояльному советской власти, пришлось

⁷ Как замечала критика 1920-х гг. в отношении рассказов А. И. Завалишина, «...обилие бытового материала, неплохое знание описываемого предмета, — все это относится к положительным сторонам творчества писателя. Однако наряду с этим следует отметить, что кругозор Завалишина довольно ограничен и выше простого бытописательства не поднимается» [Тарасенков, с. 235].

вырабатывать новые способы говорения в рамках все более оформляющейся соцреалистической парадигмы. В частности, в исследовании В. В. Гудковой показано, как А. И. Завалишин, следуя пожеланиям Театра Революции, политически заостряет пьесу «о разложившихся коммунистах» «Партбилет», в результате чего из сатирической комедии она превращается в трагикомедию и в определенной мере теряет художественную целостность [Гудкова]. Однако и это не спасает постановку: исключенный из репертуара театра «Партбилет» однозначно объявляется «политически порочным» и имеющим «слабое художественное выполнение» (О. Литовский) [Московский Театр Революции, с. 55].

А. И. Завалишину приходится напряженно искать новые точки соприкосновения с советской картиной мира. Еще в 1920-е писатель обратился к революционной тематике, создав ряд идеологически выдержанных и агитационно направленных пьес («Таежные гудки», «Перед концом»), во многом примыкающих к столь востребованной временем историко-революционной драме («Шторм» В. Билль-Белоцерковского, «Любовь Яровая» К. Тренева, «Разлом» Б. Лавренева, «Мятеж» Д. Фурманова и С. Поливанова и т. д.). В этом отношении его движение к производственной драме в конце 1920-х гг. кажется логичным продолжением художественного опыта, обусловленного принципиальной установкой на соответствие госзаказу и риторике эпохи. Так, по горячим следам поездки на Урал А. И. Завалишин пишет «Стройфронт», наполняя его «героикой социалистического строительства» [Московский Театр Революции, с. 9].

Пьеса, публиковавшаяся в журнале «Земля советская» и вышедшая отдельным изданием в 1932 г., фактически одновременно с известным романом В. П. Катаева «Время, вперед!», была посвящена возведению Магнитогорского комбината. В центре пьесы оказался ударный труд создателей магнитогорской плотины. «Острота сюжета чувствуется с первой картины, когда передовой инженер стройки Стаканов, поддержанный райкомом партии, решает возвести плотину за три месяца против шести по расчетам, сделанным американской фирмой» [Шмаков, с. 127]. Сталкивая «две экономических системы — социализм и капитализм», А. И. Завалишин создает настоящую героико-эпическую драму [Каторова, Степанов, с. 188]. Даже американские инженеры, утверждающие, что большевики «превратили страну в лагерь сумасшедших оборванцев» [Завалишин, Стройфронт, с. 24], потрясены масштабами происходящего, огромной стройкой, делающей Урал форпостом советской индустриализации. В финале «Стройфронта» инженер Стаканов, благодаря которому была построена плотина в краткий срок, отказывается от предложения поехать работать в США, получает орден и просит принять его в партию.

Для А. И. Завалишина «Стройфронт» — это еще и ключевой эксперимент по созданию эпической соцреалистической картины. Пьеса охватывает самые разнообразные аспекты строительства и утверждает торжество индустриализации. Агитационная направленность творчества А. И. Завалишина, прежде ограниченная советским бытом, перерастает в полноценную пропагандистскую стратегию, которая отражает всю мощь производственного пафоса эпохи.

Последняя книга рассказов А. И. Завалишина «Хата Буденного» (1938) и последняя пьеса «Платовка», которую автор создавал по мотивам книги, не просто изображали жизнь и дела советского полководца, но продолжали тему Гражданской войны. На примере судеб обитателей станицы Платовской, в которой Буденный провел детство и юность и куда вернулся с фронтов Первой мировой, писатель создал картину братоубийственной войны. Он избежал бабелевской иронии, осознанно героизировав личность С. М. Буденного и внося героическое в мотивировки поведения участников (выступавших на стороне Красной армии) и свидетелей воссоздаваемых автором событий. «Хата Буденного» в этом смысле оказалась довольно типичной для своего времени книгой о революции и Гражданской войне, воспроизводящей в своей концептуальной части клише советской историографии, став при этом самой «непрочитанной» книгой А. И. Завалишина. 31 января 1938 г. писатель был арестован, обвинен в контрреволюционной террористической деятельности и расстрелян 21 апреля 1938 г. на спецобъекте Центрального аппарата НКВД «Коммунарка».

* * *

Творческий путь А. Завалишина кажется коротким, хотя на самом деле это была напряженная писательская и драматургическая работа на протяжении 20 лет. Показательна эволюция творчества А. И. Завалишина, связанная со становлением регионального автора через «газетную литературу» с ее неизбежным фельетонизмом и дальнейшими шагами на пути к успеху советского прозаика и драматурга, призванного не только изображать текущую повседневность, но и пропагандировать те ценности, которые актуализировала советская риторика в текущий момент, и именно в тех формах, которые одобрялись и были востребованы временем: в 1920-е — сатира и сцены из деревенской жизни, комедии и революционные драмы, в 1930-е — эпические производственные полотна, колхозные очерки и книга о героике Гражданской войны. Выбранная стратегия позволила писателю перебраться в Москву, выпустить более десятка книг, увидеть постановки своих пьес в столичных театрах. Однако даже политическая лояльность А. И. Завалишина и постоянные ее манифестации в творчестве не предотвратили участь репрессированного и в дальнейшем «забытого» писателя.

А-р И. Завалишин // Сов. правда. 1922. 5 мая.

Антология крестьянской литературы послеоктябрьской эпохи / под. ред. А. Ревякина. Москва ; Ленинград, 1931.

Гудкова В. Драматург Александр Завалишин и его «Партбилет» // Современная драматургия. 2012. № 1. С. 212–222.

Добренко Е. Надзирать — наказывать — надзирать. Соцреализм как прибавочный продукт насилия // Revue des études slaves. 2001. Vol. 73, № 4. P. 667–712.

- Дудина З.* Расстрелян на Коммунарке // Магнитогорский металл. 2011. 13 авг.
- Дынный В. А.* Завалишин. — «Пепел». Рассказы. Изд. «Недра». М., 1928 г. Стр. 181. Цена 1 р. 45 коп. // Новый мир. 1928. № 8. С. 223–224.
- Журчева О. В.* Жанровые и стилевые тенденции в драматургии XX века. Самара, 2001.
- Завалишин А.* Агитатор. М., 1927.
- Завалишин А.* В темноте. М., 1927.
- Завалишин А.* Вор. Сценки из деревенской жизни. М.; Л., 1926.
- Завалишин А.* День в редакции // Сов. правда. 1922. 5 мая.
- Завалишин А.* Козлиные бесы. М., 1927.
- Завалишин А.* Не те времена... М., 1925.
- Завалишин А.* Пепел. М., 1928.
- Завалишин А.* Первый блин. М., 1927.
- Завалишин А.* Рассказы. М., 1959.
- Завалишин А.* Сапожник-агитатор. М.; Л., 1928.
- Завалишин А.* Свежая борозда. Дневник уполномоченного политотдела МТС. М., 1934.
- Завалишин А.* Скуки ради. М.; Л., 1925.
- Завалишин А.* Сполох. М.; Л., 1929.
- Завалишин А.* Стройфронт. М., 1932.
- Завалишин А.* Фальшивая бумажка. М., 1929.
- Завалишин А.* Частное дело. М., 1929.
- Калинин И.* Угнетенные должны говорить (массовый призыв в литературу и формирование советского субъекта, 1920-е — начало 1930-х годов) // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России М., 2012. С. 587–664.
- Каторова А. М., Степанов Е. А.* Мордовские национально-культурные маркеры в пьесе «Стройфронт» А. И. Завалишина // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2020. № 1 (53). С. 185–191.
- Киселев Н. Н.* Русская советская комедия 20–30-х годов: (Проблемы типологии жанра) : дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 1973.
- Комаров С. А.* Сатирический фельетон В. В. Маяковского: реализация жанровых характеристик // Пушкинские чтения — 2012. «Живые» традиции в литературе: жанр, автор, герой, текст. СПб., 2012. С. 75–81.
- Лебедева С. Н.* «Журнал мой, видимо, ухнул...» (к истории «Земли советской») // Вестн. Волж. ун-та им. В. Н. Татищева. 2016. Т. 2, № 4. С. 94–103.
- Литовская М. А.* Жанр фельетона в творчестве А. Гайдара // Дергачевские чтения–2006. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Екатеринбург, 2007. Т. 2. С. 137–143.
- Матвеева И. И.* Андрей Платонов и сатира 1920-х годов // Вестн. Моск. город. пед. ун-та. 2010. № 2. С. 47–54.
- Машкова Е. Е.* Социальная маска крестьянина в производственной прозе 1920–1930-х годов // Учен. зап. Крм. федер. ун-та им. В. И. Вернадского. Филол. науки. 2018. Т. 4 (70), № 3. С. 66–85.
- Московский Театр Революции.* 1922–1932. М., 1933.
- Палей А. Р. А.* Завалишин. Первый блин. Рассказы. Лит.-худ. биб-ка «Недра». Изд. «Новая Москва». М. 1927. Стр. 111. Тир. 4000 экз. Ц. 75 к. // Печать и революция. 1927. Кн. 1. С. 201–202.
- Постановление Политбюро ЦК РКП (б) «О политике партии в области художественной литературы». 18 июня 1925 г. // Власть и художественная интеллигенция : документы ЦК РКП (б) — ВКП (б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953. М., 1999. С. 53–57.
- Саксон Л.* Неопубликованные произведения Александра Завалишина // Каменный пояс. Челябинск, 1984. С. 216–224.
- Северина Е. А.* Фельетон и сатирический рассказ: жанровые сходства и различия // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Орел, 2014. С. 210–221.

Тарасенков А. А. Завалишин. — Пепел. Изд. «Недра», стр. 182. Ц. 1 р. 45 к. // Октябрь. 1928. № 4. С. 235–236.

Христофоров В. С. Писатель Александр Завалишин: неизвестные страницы биографии // Вестн. ЮУрГУ. 2016. Т. 16, № 1. С. 54–59.

Шалаева Н. В. Репертуар, пьеса, сюжет: становление советского театра (1920-е гг.) // Теория и практика общественного развития. 2015. № 21. С. 186–189.

Шеленок М. А. Драматургия И. Ильфа и Е. Петрова и водеvilльная тенденция в отечественной комедиографии 1920-х — 1930-х годов. Саратов, 2019.

Шмаков А. А. На литературных тропах. Челябинск, 1969. С. 121–139.

Статья поступила в редакцию 20.12.2021 г.